

ТРАНСФОРМАЦИЯ БОГОСЛУЖЕБНО-ОБРЯДОВОЙ ЖИЗНИ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРИСТИАН БССР в 1935–1939 гг.

*Калинина А. С.
(Минск, Институт теологии
Белорусского государственного университета)*

Процессы трансформации богослужебно-обрядовой жизни православных верующих БССР второй половины 1930-х гг. достаточно сложно подвергнуть научно-историческому анализу и реконструкции. К основным причинам, затрудняющим данную работу, относятся: 1) ограниченность историко-документальной базы: за отсутствием церковных документов доступными остаются только партийно-советские источники и представленные в небольшом объеме воспоминания очевидцев [1, с. 119]; 2) некорректное использование понятий «церковник» и «сектант» в партийно-советских документах, затрудняющее точное определение конфессиональной принадлежности верующих, богослужебная и обрядовая деятельность которых попала в поле зрения соответствующих государственных и партийных структур. Кроме того, в данном случае исследованию подлежит такое направление жизни верующих, адекватное описание которой языком официальных документов представляется маловероятным. Следует также учесть то обстоятельство, что представители власти фиксировали факты из жизни верующих, не вникая в их истинный смысл, ограничиваясь рамками идеологии «обострения классовой борьбы» и трактуя внутрицерковные явления и процессы исключительно как проявления «антисоветской деятельности церковников и сектантов».

Перемены в богослужебно-обрядовой жизни православного населения представляется наиболее интересным рассматривать на примере самого популярного таинства среди рядовых верующих – крещения. Сведения о совершении данного таинства во второй половине 1930-х гг. носят противоречивый характер. В 1935–1936 гг. случаев крещения было выявлено относительно немного: 1 случай массового крещения детей в Сенненском районе в 1935 г. [2, л. 220] и 3 случая в 1936 г., включая 1 случай с поездкой жителей Житковичского района в г. Бобруйск для крещения 15 детей [3, л.

275]. Однако в 1937 г. наблюдается значительное увеличение количества крещений, что было отмечено в ряде докладных записок «О деятельности религиозных организаций и состоянии антирелигиозной пропаганды по районам БССР». Так, за первую половину 1937 г. зафиксировано не менее 18 случаев крещения детей разного возраста (от 0 до 12 лет), причем в 5 случаях проводились массовые крещения, например, в Бешенковичском районе «родители стояли в очереди, дожидаясь совершения обряда» [4, л. 58], в колхозе «Прогресс» Ельского района «поп появился под видом сапожника и окрестил за одну ночь 20 детей» [4, л. 57].

С одной стороны, представленные факты можно объяснить усилением религиозной активности верующих в связи с принятием Конституции 1936 г. (хотя прямых ссылок на Конституцию при совершении таинства крещения в документах обнаружено не было), особенно если учесть, что крестили, в основном, колхозники, а также представители власти и комсомольцы, причем детей не грудного, а старшего возраста (1–3, 4–5 лет и старше). Например, при описании религиозной обстановки в Лепельском районе партийный работник Ф. С. Микунов сообщает, что «буквально все колхозники крестят детей у попа, находящего в Лепеле, при чем крестят детей и в возрасте 1 и 2-х лет, если раньше их не окрестили» [5, л. 75]. Вероятно, принятие Конституции в определенной степени «разрядило» атмосферу страха, в которой находились верующие колхозники, боясь быть уличенными в «антисоветской церковной деятельности» с последующим исключением из колхоза.

С другой стороны, факты совершения тайных треб и недостаточное внимание к религиозной ситуации со стороны государственных, общественных и партийных структур в 1935–1936 гг. позволяют предположить, что случаи крещения и проч. могли оказаться вне поля зрения государства и не были отмечены в письменных источниках.

В 1938 – 1939 гг. были зафиксированы следующие факты крещений: во-первых, под наблюдением властей оказалась деятельность женщин-«диаконалисс», которые крестили детей «вместо попов» [6, л. 68]; во-вторых, в последней действующей на территории БССР церкви в г. Бобруйске, «по неполным данным за 1939 г.», представленным ответственным секретарем облсовета СВБ т. Вороновым в отдел пропаганды и агитации Могилевского обкома КП(б)Б 25 июня 1939 г., «окрестили свыше 1600 детей до 5-6 лет из г. Бобруйска, Бобруйского, Кировского и других районов» [7, л. 14]. В стенограмме заседания СВБ Минской области от 6 января 1939 г. сохранились сведения о разговоре между ответственным секретарем ЦС СВБ БССР т. Долгополовым и рядовым колхозником: «А религиозных людей у нас много есть и в городе много и в деревне. Это было видно из районных съездов. Я сам наблюдал, например, такие факты: на днях в доме

колхозника ночевал колхозник из Червеньского района и он говорит: мы крестим детей. Я говорю – почему – попробуй, говорит, не окрестить, так будут пальцем показывать: это черт ходит, это еврей ходит» [8, лл. 7–8]. Последний факт свидетельствует, с одной стороны, о патриархальности сознания у ряда верующих, их приверженности обрядовым нормам скорее в силу традиции, чем внутреннего убеждения, с другой стороны, об устойчивости религиозных чувств и привычек православного населения, на которые не могли повлиять даже массовые репрессии.

Что касается праздников и богослужений, то в поле зрения партийно-советских работников попадает великопостно-пасхальный период, прежде всего праздник Пасхи. Следует отметить, что в 1937 г. празднование Пасхи оказалось под особенно пристальным вниманием государства в связи с активизацией антирелигиозной работы, совпадением праздника Пасхи со 2 мая, а Великой Субботы накануне Пасхи с Днем Труда – 1 мая. Авторы докладных записок о религиозной ситуации в районах БССР фиксировали следующее: «У сувязі з супадзеннем рэлігійнага свята пасхі з Першамайскім святам значная частка працоўных не ўдзельнічала ў праведзеных Першамайскіх мерапрыемствах, некаторая частка калгаснікаў у першы дзень пасхі 2-га Мая не вышла на калгасныя палявыя работы» (Копаткевичский район) [4, л. 269]; «у першы дзень пасхі – 2 мая – у калгасе «Шлях Сталіна» Навасельскага сельсавета дэманстравалі ніхто не выйшаў на работу. Ва многіх калгасах Будскага, Какоўчынскага, Леднявіцкага і інш. сельсаветаў таксама ніхто не выйшаў на работу. Нават у местачковым калгасе «Бальшавік» ніхто не выйшаў на работу у першы дзень пасхі» (Богушевский район) [9, л. 46]; «у дзень 2-га мая толькі ў 6-ці калгасах частка калгаснікаў вышла на работу, у астатніх калгасах 2-га мая не работалі, а ў 3-х калгасах нават 3-га мая на работу не вышлі – святкавалі пасху, у той час як 1-га мая ў 2-х калгасах значная частка калгаснікаў, арганізаваная ляснічым-камсамольцам Хруцкім, пашлі на пасадку леса. У дзень 1-га мая значная частка моладзі не танцавала, бо “у час усеночнай танцаваць нельга”» (Туровский район) [4, л. 83]. Видимо, под влиянием Сталинской конституции верующие не боялись открыто проявлять свои религиозные чувства и пытались даже отстаивать свою позицию: «У калгасе “Дырыжабль” Лешнянскага с/с жанчына выступала на сходзе і заяўляла, што май трэба святкаваць, але ж і “пасху” таксама трэба святкаваць» [4, л. 136].

При наличии в данной местности действующей церкви верующие старались попасть на праздничную службу в храм. 2 мая 1937 г., когда митрополит Филарет (Раменский) проводил пасхальное богослужение в храме Марии Магдалины на Сторожевском кладбище г. Минска, «погода стояла теплая и народ заполнил половину кладбища» [1, с. 199]. В 1939 г. инструктор отдела пропаганды и агитации ЦК КП(б)Б т. Куров описывает

следующую картину участия верующих в пасхальном богослужении, проводившемся в последней действующей церкви Гомельского округа: «В г. Гомеле до сих пор по Комсомольской улице – (в центре города) – не закрыта церковь. В дни пасхи на богослужение собралось такое количество верующих, что по улице нельзя было пройти, молиться приезжали из ближайших районов, сельсоветов и даже из Черниговской и Орловской областей» [10, л. 181]. Можно предположить, что в целом о роли церкви в жизни верующих справедливо высказался в 1937 г. в заявлении об открытии храма в Дрибинском районе бывший церковный староста И. Барбосов: «Без церкви жизнь наша становится бессмысленной, скучной, а потому совершенно ненужной» [11, л. 49].

Зафиксированы случаи традиционного говения, когда верующие перед Пасхой постились, исповедовались, причащались, в том числе и дети: например, в отчете о результатах проверки работы РС СВБ по Брагинскому району за 1935 г. инструктор ЦС СВБ БССР т. Шошин сообщает, что «вучні Буркоўскай школы хадзілі у царкву у дні велікодных свят, хадзілі да іспаведзі, свяцілі вярбу, быў выпадак наведывання царквы і піанера» [8, л. 72]; «у калгасах Браткаўскага сельсавета! «Шлях ленінізма», «Авангард» і ў калгасах «Ульянава» Ляшнянскага сельсавета ... моладзь, асабліва дзяўчата перад «пасхай» пасцілі – па 2–3 дні ня елі!» (Копыльский район, 1937 г.) [12, л. 137].

В условиях отсутствия в районе даже недействующих церквей (например, церковное здание было разрушено или переоборудовано под клуб) желание верующих приобщиться к церковной жизни, исполнить положенные религиозные обряды воплощалось в особой, нетрадиционной форме богослужебных и обрядовых практик - «беспоповстве». Количество случаев «беспоповства» в 1935–1939 гг., по сравнению с 1-й половиной 1930-х гг., значительно увеличилось: в архивных источниках упоминается не менее 1 случая в 1935 г., 1 – в 1936 г., 7 – в первой половине 1937 г., 6 – в первой половине 1938 г., 3 – в 1939 г., тогда как в 1929-1934 гг. было зафиксировано 6 фактов совершения богослужений и обрядов мирянами.

Анализ фактов «беспоповства» позволил разделить все упомянутые случаи на две группы. В первой группе обязательно присутствовал какой-либо активный мирянин (например, церковный староста) или монах (монахиня), вместо священнослужителей удовлетворявший религиозные потребности верующих. Например, «на тэрыторыі Любаньскага раёна маецца царква ў Юшкаўскім с\савеце, якая працуе па сёняшні дзень. За папа выконвае функцыі быўшы стараста царквы Слуцкага раёна, манашка Крычына Марыя, якая служыць ў царкве, пражывае ў в. Забалоць Юшкаўскага с\савета і выязжае на пахаванні, крэсціць дзяцей» [12, л. 281]. Верующие во второй группе сами, без конкретных руководителей,

осуществляли определенные религиозные действия, например, «у дзень “хрышчэння” паасобныя жанчыны, для таго каб здабыць “святой вады” (у сяле папа няма і хрышчэнне вады не ўтваралася) у калодзец кідалі крыжыкі для асвячэння вады і бралі ваду ў бутылкі» (Сивенский с/с, 1935 г.) [4, л. 91], или собирались для богослужения, например, в ночь на Пасху: «У вёсцы Пухавічах з першага па другое мая ўсю ноч свяцілі ў хатах лямпы і калі інспектар міліцыі т. Цвірко спытаў у адной жанчыны навошта ўсю ноч гараць агні, яна сказала “спраўляем усюношную, у нас у канстытуцыі сказана, якую хочаш рэлігію можаш выконваць”» [3, л. 280]; в г. Могилеве в 1939 г. «каждое воскресенье» происходило «сборище верующих на так называемом успенском кладбище, где они собираются около кладбищенской церкви и молятся» [7, л. 8]. По воспоминаниям протоиерея Бориса Васильева, после закрытия в 1937 г. последнего храма в Минске – Свято-Александро-Невской церкви – «верующие в основном посещали кладбище, прежде всего Военное, скорбно обходили вокруг Свято-Александро-Невской церкви, мысленно молясь на стены, окна, купола храма. Особенно много народа собралось на Пасху 1938 г. Но более всего народа ежегодно собиралось на Радуницу» [1, с. 221].

В целом, представленные в архивах свидетельства указывают на повторяемость случаев «беспоповства», позволяют отнести его не к исключительным явлениям, а к элементам повседневной церковной жизни верующих и демонстрируют высокую степень устойчивости православного населения БССР к кризисным событиям современности.

Как на способ сохранения церковной жизни при неблагоприятных внешних обстоятельствах во второй половине 1930-х гг. следует указать на уход верующих в «катакомбы». Например, в 1939 г. верующие г. Могилева передавали друг другу «адреса подпольных квартир, где устраивали «крещения» и другие обряды... Бывшие монашки в очередях передают старушкам, что в Луполовском районе (за Днепром) есть квартиры, где можно исповедоваться, помолиться и получить благословение» [7, лл. 18–19]. На распространение «катакомбного» способа существования в среде православного населения БССР решающее влияние оказали события «Большого террора», и явление «катакомбности» в широком смысле как «всякой неофициальной, и поэтому не контролируемой государством церковной деятельности» [13, л. 173] стало характерно не только для последовательных «катакомбников» (иосифлян / шерстинцев), но и для основной массы православных верующих. В конечном итоге, ликвидация всех православных храмов на территории Советской Белоруссии (последняя официально действующая церковь – храм Святой Софии в г. Бобруйске – была закрыта 24 июня 1939 г. [1, с. 221]), отсутствие священнослужителей, невозможность публичного исповедания веры и

участия в приходской жизни привели к окончательному переходу всех форм церковной активности православных верующих в «подпольное» состояние.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив общественных объединений Могилевской области (ГАООМог). – Фонд 9. – Оп. 4а. – Д. 42. Постановление Бюро обкома КП(б)Б, докладные записки и справки о состоянии антирелигиозной пропаганды в области, о работе районных советов Союза Воинствующих Безбожников и др. Май 1939 г. – август 1939 г.
2. НАРБ. – Фонд 4 п. – Оп. 1. – Д. 11852. Докладные райкомов и горкомов КПБ о состоянии антирелигиозной пропаганды. Май – сентябрь 1937 г.
3. НАРБ. – Фонд 4 п. – Оп. 1. – Д. 11853. Материалы о партпросвещении, о комаровской религиозной общине, докладные записки с компрометирующими материалами на членов партии и др. Апрель – декабрь 1937 г.
4. НАРБ. – Фонд 4 п. – Оп. 1. – Д. 11868. Переписка отдела партпропаганды и агитации с частными лицами по вопросам партучебы и радиовещания. Май–ноябрь 1937 г.
5. НАРБ. – Фонд 4 п. – Оп. 1. – Д. 12082. Докладные и информации Окружкомов, Горкомов и Райкомов КП(б)Б о выполнении решений вышестоящих органов, о ходе переписи населения, чрезвычайных происшествиях и переписка по учету, выдаче партдокументов, проверке компрометирующих материалов и др. Январь–июль 1937 г.
6. НАРБ. – Фонд 4 п. – Оп. 1. – Д. 12099. Докладные, справки и информации заведующих отделами и инструкторов ЦК КП(б)Б на имя секретарей ЦК КП(б)Б и др. Январь–декабрь 1937 г.
7. НАРБ. – Фонд 4 п. – Оп. 1. – Д. 12109. Докладные, письма и заявления партийных и советских организаций и коммунистов «о ликвидации последствий вредительства», о наличии компрометирующих материалов на партийных и советских работников. Докладная отдела партпропаганды и агитации ЦК КП(б)Б «О состоянии антирелигиозной пропаганды в КП(б)Б и активизации церковников и сектантов в ряде районов Белоруссии». Переписка с УГБ НКВД по проверке отдельных работников и др. Апрель 1937 – ноябрь 1937 гг.
8. НАРБ. – Фонд 4 п. – Оп. 1. – Д. 13219. Докладные записки НКВД БССР в ЦК ВКП(б) о наличии классово-чуждых элементов и

- фактах вредительства в системе Наркомпроса и Академии наук БССР, антисоветской деятельности церковников и сектантов в БССР (пересланы из ЦК ВКП(б) в ЦК КП(б)Б 7 июля 1938 г.). 21–25 июня 1938 г.
9. НАРБ. – Фонд 4 п. – Оп. 1. – Д. 13897. Стенограмма конференции безбожников Минской области. Январь 1937 г.
 10. НАРБ. – Фонд 4 п. – Оп. 1. – Д. 13928. Докладные записки отдела пропаганды и агитации ЦК КП(б)Б о перестройке партийной пропаганды и состоянии антирелигиозной пропаганды в БССР, работе БЕЛТА, редакции газеты «Звезда» и др. 27 января – 26 июня 1939 г.
 11. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 4 п. – Оп. 1. – Д. 8989. Докладные, сведения и письма партийных органов, учебных заведений и др. по вопросам проработки закрытых писем ЦК ВКП(б), о состоянии партпропаганды, о работе учебных заведений и музеев, о подготовке пропагандистских кадров и др. Январь 1935 – июнь 1935 гг.
 12. Поспеловский, Д. В. Русская православная церковь в XX веке / Д.В. Поспеловский. – М. : Республика, 1995. – 511 с.
 13. Кривонос Фёдор, священник. У Бога мертвых нет. Неизвестные страницы из истории Минской епархии (1917–1939 годы) / Священник Федор Кривонос. – Минск : МФЦП, 2007. – 240 с.